

Содержание

На Воздвиженке, под самой крышей	7
Стрекопытов	23
Дети леса	53
Албарсты	75
Ене и Сохо	91
Виталька	113
Доброй ночи, Мимоза!	131
Навий да Алинадий	159
Сокровище Гознака	177
Хоньзя	197
Шуликуны	217
Смерть в Саксонии.	233
Гуляй, песня!	245

НА ВОЗДВИЖЕНКЕ,
ПОД САМОЙ КРЫШЕЙ

Ну и пусть себе англичане спорят, сколько ангелов может уместиться на кончике иглы, — оставим их, Бог с ними! Они настоящего ангела и не видели никогда. Настоящий ангел и в одиночку там не поместится. А если у него ещё и пожитки кое-какие есть — хотя бы чемодан с зимним пальто и фикус в горшке — то для комфорта ему нужен целый подоконник.

Ангел поселился на подоконнике давно, с тех пор как на Воздвиженке обосновалась консерватория. Стоял жаркий сентябрь, и из распахнутых окон к небу устремлялся то модный Верди, то полузабытый Кавальери. Непривычные к такому лошадки, тянущие конку, вздрагивали и фыркали, обнажая сточенные зубы. Ангел летел мимо и, привлечённый хором пленных иудеев, уселся на подоконник. Да так там и остался. Уж больно

понравилась ему здешняя атмосфера — музыканты ведь люди добрые, весёлые.

Никто ангела, конечно, не прогонял, а новых студентов и предупреждали к тому же — вот на тот подоконник не садись, инструмент не ставь, там ангел живёт.

Но даже когда консерватория съехала и хозяева стали сдавать квартиры в доме зажиточным купцам, ангел никуда не делся. Так и жил в окне третьего этажа, отлучаясь временами по своим служебным делам. Новые жильцы только поставили на подоконник фикус, но более ничем ангела не стесняли, потому как заметили — с ним дети меньше болеют, мужья ласковее становятся, а жёны — краше.

А когда началась война, ангел попрощался с фикусом, перевязал свой выдавший виды чемодан верёвкой для надёжности и отправился на фронт. Нет, военнообязанным он не был, но отсиживаться в Москве не мог. Три года он тогда при госпитале отслужил дежурным ангелом, сопровождая одних на тот, а других на этот свет. Нелёгкая это работа, нервная. Души ведь — не солдаты, не офицеры, дисциплины не знают. Вот умрёт какой-нибудь парнишка, ну всё уже — пора душу из лазарета выводить, а душа-то как упрётся, как вцепится в хилое тельце и давай рыдать. Это самое страшное. Другие души тогда разом теряют покой, мнут-

ся, в истерику даже могут удариться. И всей толпой как навалятся на дежурного ангела — не хотим, мол, туда, рано нам ещё, пожалей, отроче!

Ангел их жалел, утешал как мог — очень ему тогда консерваторские урокигодились. Запоёт порой что-нибудь духовное из Бортнянского тоненько-тоненько, сам себя до слёз доведёт, но души упокоит. И потянет их, притихших, за ручку на выход, не давая оглянуться на искромсанные тела, накрытые белыми простынями.

Реже бывало наоборот: по ошибке забредёт душа на тот свет, потянется к сиянию в высших сферах, а тут ангел запыхавшийся — стой, нельзя туда! И чуть не силком тянет душу обратно, к окровавленным пальцам полкового хирурга Митрофанова, день и ночь оперирующего в переполненном полевом госпитале...

С фронта вернулся ангел в начале семнадцатого — и сразу на подоконник, к почерневшему от холода фикусу. Жильцы, по слухам, за границу подались, а фикус вот оставили в пустой квартире, значит.

Целый год отдыхал ангел от госпитального ужаса, просыпаясь только затем, чтобы полить фикус, и опять, свернувшись клубочком, погружался в тяжёлую дремоту. А в доме болели дети, гневались мужья и старели жёны, не зная, что в соседней комнате стонет и бредит во сне ангел.

— Шуликуны бегут, шуликуны в железных шапочках, в кожаных зипунчиках, — сам себе бормотал под нос, поглядывая из окна вниз на красноармейцев. С третьего этажа они были на одно лицо, да даже и лиц не разглядеть, а так — будто большой ёж по улице идёт, щетинится штыками в небо, перебирает десятками лап.

Этим утром в комнату пришёл с ордером новый жилец, бывший матрос из питерских. По-хозяйски осмотрел всё, бросил на подоконник тяжёлый, пропахший солёным потом бушлат и вежливо попросил ангела до вечера покинуть помещение.

На вопрос, где же ему теперь жить, матрос посоветовал сходить в домком, поговорить с председателем. Нет, здесь остаться никак нельзя, к нему жена приедет, соскучилась. Вот и пришлось ангелу опять свой чемоданчик перевязать. Напоследок погладил прохладной ладонью шершавый подоконник, взял фикус, обёрнутый газетой... Пора!

В домкоме было людно — хватало и бывших, и нынешних. Все ждали председателя. Скуластые деревенские бабы толковали промеж собой о прозорливом старце Иулиане, который де твёрдо сказал — не устоит град сей без святых мощей! А как почти все мощи-то порушат, так и падёт град, придут де трое — рябой, да хромой, да плешивый и смерть откопают, что царь Ерус-лан под Кремлём закопал. Вот тогда-то и погу-

ляет смерть по Москве! А ещё, говорят, в прошлом-то году воры подкоп рыли и на смерть-то наткнулись — это когда испанка была... Но не время было ещё смерти просыпаться, вот она и собрала народу сколько могла одним махом и обратно-то завалилась...

— Врите больше! — отвечали светлоликие красноармейцы. — Нет никаких святых мощей, а есть кости старые. И всё наоборот будет — когда, значит, все кости собакам выбросим, тогда придут трое: один весь в лучах солнца осиян, другой с лунным знаменем, а третий — по плечи звёздами осыпанный, и принесут они в мир язву моровую бывшим богатеям, а простому народу — счастье!

— Да как же так? — не выдерживали бывшие дамы в пожухших кружевах на давно не мытых шеях. — Да что же это делается? И где она, эта ваша справедливость? Разве мало мы претерпели? Уже и мужья-то наши полегли — да от чьей руки, не поймёшь! Уже и сами-то с голоду пухли, и деток сколько схоронили...

— Каких таких деток?.. — через губу сплёвывая, отвечали им их же бывшие горничные. — А то мы не видели, не знаем, как вы по докторам бегали, абортс чуть не каждый год делали! Проститутки дешёвые! Кончилось ваше время, хлебните-тко нашего!

— Варька, угомонись! Любка-змеюка, а ну подвинь зад! — умирил наконец всех председатель.

Он пробирался к своему столу, на ходу раздавая шлепки. — Так, кто тут по жилищному вопросу?

Ангел шёл последним. Послушавшись советов, щедро раздаваемых очередью, он заранее подготовил письменное заявление: «Прошу поставить меня на учёт как трудящегося и предоставить жилую площадь на одну персону в доме номер 13 по улице Воздвиженке. С учётом происхождения из небесных сфер прошу разместить в верхних этажах означенного дома, чтобы поближе быть к звёздному небу».

Председатель читал по складам, вслух. Особо сложные места порой и по нескольку раз. Это заявление он прочёл целиком три раза, после чего подозрительно уставился на ангела.

— А ты сам кто такой будешь-то? Можешь не отвечать, сам вижу... Воевал?

— Так точно!

— А заслуги имеешь?

— Никак нет!

— Ну откуда тебе... А дом-то не резиновый! Как я тебя без заслуг размещу тут? Только если в квартиру 1-Б... Там дворник с семьёй да ещё два хлопча квартируют...

— Но это же полуподвал. Я не смогу там... У меня же происхождение, понимаете?

— Отставить разговоры! — председатель был из унтеров и возражения гасить умел как никто другой. Потом помолчал и добавил тише, даже немного сочувственно: — Бери, чего дают, паря...

И забудь про своё высшее происхождение. И не таких тут видали...

Ладно, подумал ангел. Одну ночь можно и переночевать. А завтра поищу квартиру — может, кто подоконник сдаст.

Койко-место у дворника оказалось тремя табуретами, составленными так, что человек нормального роста мог на них лечь, только поджав ноги. Ангелу же этих табуретов хватило ещё и чтобы разместить все свои пожитки. Жена дворника — пожилая безымянная татарка, решившая, что ангел посягает на её жилплощадь, сперва, проходя мимо, норовила спихнуть и фикус, и чемодан с законного места, пока не получила от мужа, знавшего ангела ещё до войны, крепкий тычок. Зато дети сразу полюбили гостя и тянули его в разные стороны — мальчишки в бабки играть, девчонки — куклу кормить.

К ночи появились другие жильцы — странные синюшные типы, пахнущие мертвечиной. Этот запах ангел бы ни с чем не перепутал — запах тошнотворный, жирный и тухлый.

При ближайшем рассмотрении оба оказались упырями. Столкнувшись с ангелом, они попятнулись к выходу, но путь им неожиданно преградил председатель.

— Ну как расположились? Живёте дружно? — не обращая внимания на упырей, спросил он у ангела.